

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
ТЕРМЕЗСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

**ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ**

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

**«Роль и место славянизмов в языковой картине художественного
текста»**

Холоповой Светланы

**для получения квалификации бакалавра по направлению
5120100 – Филология и обучение языкам: русский язык**

Научный руководитель : Хужанова О.Т., ст.преподаватель

ТЕРМЕЗ - 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА И СЛАВЯНИЗМОВ В НАУКЕ

1.1. Определение понятия «языковая картина мира » в лингвистике

**1.2. О широком и узком понимании определения «языковая картина
мира» в современной лингвистике**

1.3. Русская лексика с точки зрения ее происхождения

1.4. Два типа заимствований в современном русском языке

1.5. Славянизмы в русском языке и их место в языковой картине мира

Выводы по первой главе

ГЛАВА 2. СЛАВЯНИЗМЫ В ЛИРИКЕ А.С. ПУШКИНА

2.1. Лексика русского литературного языка в творчестве А.С. Пушкина

2.2. Использование славянизмов А.С. Пушкиным

Выводы по второй главе

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ВВЕДЕНИЕ

Славянизмы в современном русском языке играют огромную роль. Иногда они воспринимаются лишь как поэтизмы, указывая на определенную эмоционально-стилистическую окраску слова, свою архаическую принадлежность. От номинативного лексического значения славянизма зависит правильность восприятия, суть не только самого славянизма, как лингвистической единицы языка, но и всего предложения, абзаца и даже произведения в целом.

Термин старославянский язык и старославянизм не следует понимать слишком буквально. Старославянский язык – это не старый славянский язык, не древнерусский и не общеславянский язык. По происхождению это один из южнославянских языков. Важно заметить, что русский язык относится к восточнославянской группе. Чтобы понять, какое старославянизмы оказали огромное влияние на лексику и словообразование русского языка, необходимо обратиться к истории. Ведь Пушкин выступает преобразователем русской литературной речи. Тот синтез разнородных элементов, который осуществляется в его творчестве, определяет стабилизацию литературного языка, столь бурно развивавшегося в XVIII – начале XIX вв. С Пушкина, в сущности, начинается тот литературный язык, который существует и по сей день.

Несмотря на достаточно большое количество литературы, тема использования славянизмов и определения их роли в языковой картине мира практически не рассматривается. Этим и обусловлена **актуальность темы выпускной квалификационной работы**, избранной для исследования.

Объектом исследования выпускной квалификационной работы является лексика с точки зрения ее происхождения и славянизмы.

Предметом исследования выпускной квалификационной работы послужили славянизмы, встречающиеся в художественных произведениях.

Цель выпускной квалификационной работы – проанализировать фонетические и словообразовательные признаки славянизмов и определить их роль в языковой картине художественного текста.

Для достижения поставленной цели были **решены следующие задачи:**

- рассмотреть лексику русского языка с точки зрения ее происхождения;
- определить понятие славянизм в русском языке;
- выявить и охарактеризовать фонетические и словообразовательные признаки старославянизмов;
- дать определение понятию «языковая картина мира» в лингвистике.

Методы исследования выпускной квалификационной работы:

1. Метод лингвистического описания, основанный на индукции: от анализа фактов, их сопоставления к обобщениям и выводам.
2. Метод лингвистического эксперимента как разновидность трансформационного метода. Различные языковые единицы, будучи членами определённой системы, могут преобразовываться друг в друга.
3. Количественный анализ языковых фактов.

Предложения собраны методом сплошных выборок. Количественные методики анализа славянизмов позволяют увидеть основные закономерности изменения в лексической системе .

Научная новизна выпускной квалификационной работы состоит в том, что славянизмы изучены в языке на материале художественных текстов и тем самым определена их роль в языковой картине мира.

Теоретическая значимость выпускной квалификационной работы заключается в том, что установлены основные особенности славянизмов на материале художественных произведений, выявлены общие закономерности их развития.

Практическая значимость выпускной квалификационной работы заключается в том, что материалы исследования могут быть использованы

преподавателями, читающими курс лексикологии современного русского языка и спецкурс по славянизмам в русском языке на материале художественных текстов.

Структура выпускной квалификационной работы. Выпускная квалификационная работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА И СЛАВЯНИЗМОВ В НАУКЕ

1.1. Определение понятия «языковая картина мира» в лингвистике

Понятие «языковая картина мира» является одним из фундаментальных понятий современной лингвистики. Впервые мысль об особом языковом мировидении высказал В. фон Гумбольдт. Его учение возникло в русле немецкой классической философии в начале XIX века. Появление в лингвистике понятия языковая картина мира связано с практикой составления идеографических словарей и с возникшими в связи этим проблемами структуры и содержания лексико-семантических полей, отношений между ними, с тем, что новый, антропоцентрический подход к языку «требовал разработки новых исследовательских методов и расширения метаязыка науки». По мнению Ю. Л. Воротникова: «То, что в сознание лингвистов постепенно (и до определенной степени неосознанно) входит некий новый архетип, предопределяющий направление всей совокупности языковедческих штудий, кажется достаточно очевидным. Можно, перефразируя название одной из статей Мартина Хайдеггера, сказать, что для науки о языке наступило «время языковой картины мира» [3]. Гумбольдт применил к анализу языка диалектический метод, в соответствии с которым мир рассматривается в развитии как противоречивое единство противоположностей, как целое, пронизанное всеобщими связями и взаимными переходами отдельных явлений и их сторон, как система. Именно он отметил, что каждый язык в неразрывном единстве с сознанием создает субъективный образ объективного мира. Идеи В. фон Гумбольдта были подхвачены неогумбольдтианцами, один из представителей которых, Л. Вайсгербер, в тридцатых годах XX века ввел в науку термин «языковая картина мира» (*sprachliches Weltbild*), отмечая, что в языке конкретного сообщества живет и воздействует духовное содержание, сокровище знаний,

которое по праву называют картиной мира конкретного языка [2]. Важным этапом в развитии теории языковой картины мира являются труды американских этнолингвистов Э. Сепира и Б. Уорфа [11]. Э.Сепир и его последователь Б. Уорф разработали гипотезу, известную как «гипотеза Сепира - Уорфа», и составляющую теоретическое ядро этнолингвистики. Согласно этой теории различие норм мышления обуславливает различие норм поведения в культурно-историческом истолковании. Сравнивая язык хопи со «среднеевропейским стандартом», С. Уорф стремится доказать, что даже основные категории субстанции, пространства, времени могут трактоваться по-разному в зависимости от структуры качеств языка: «...понятия «времени» и «материи» не даны из опыта всем людям в одной и той же форме. Они зависят от природы языка или языков, благодаря употреблению которых они развились» [11:279]. По утверждению Уорфа, что мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком, и мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном - языковой системой, хранящейся в нашем сознании. Мир расчленяется, организуется в понятия, и мы распределяем значения так, а не иначе в основном потому, что мы - участники соглашения, предписывающего подобную систематизацию. Это соглашение имеет силу для определенного речевого коллектива и закреплено в системе моделей нашего языка.

Особый интерес лингвистов к ЯКМ во второй половине XX - начале XXI в., по мнению Г. С. Самойловой, вызван «изменением ценностных ориентаций в образовании и науке; гуманизацией и гуманитаризацией науки как специфичной чертой научного познания конца XX века; <...> усилением человеческого фактора в языке, обращением к проблемам формирования и развития языковой личности; вниманием к языку как к социальному фактору национальной идентификации, как средству национального самоопределения; расширением и укреплением языковых контактов,

приводящих к сопоставлению, наложению разных языковых систем и выявлению специфики национальных языков и национального мировидения» [8]. В этот период ЯКМ стала объектом анализа многих отечественных исследователей (Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, Ю. Н. Караулов, Е. В. Урысон и др.).

Изначально возникнув как метафора, ЯКМ породила в лингвистике много проблем, имеющих отношение к ее феноменологическим особенностям: это статус и многообразие трактовок самого понятия, предмет исследования и структура, признаки и функции ЯКМ, соотношение индивидуального и коллективного, универсального и национально специфичного в ней, ее динамический и статический аспекты, особенности варьирования и типология языковых картин мира.

В лингвистике существует большое количество определений ЯКМ, каждое из них делает акцент на отдельных сторонах обозначаемого понятия и поэтому не может быть общепринятым термином.

1.2. О широком и узком понимании определения «языковая картина мира» в современной лингвистике

Все многообразие трактовок понятия ЯКМ можно свести к двум: широкому и узкому.

1. Так, часть языковедов (С. Ю. Аншакова, Т. И. Воронцова, Л. А. Климкова, О. А. Корнилов, З. Д. Попова, Б. А. Серебренников, Г. А. Шушарина и др.) понимают под ЯКМ «субъективный образ объективного мира как средство репрезентации концептуальной картины мира, полностью, однако, не охватывающее ее, как результат языковой, речемыслительной деятельности

многопоколенного коллектива на протяжении ряда эпох» [6: 12]. ЯКМ - это представления о действительности, «которые кажутся носителям данного языка само собой разумеющимися. Эти представления, складывающиеся в единую систему взглядов и предписаний, входят в значения языковых единиц в неявном виде, так что носитель языка принимает их на веру, не задумываясь и сам того не замечая» [4].

Другие ученые (Н. А. Беседина, Т. Г. Бочина, М. В. Завьялова, Т. М. Николаева, М. В. Пац, Р. Х. Хайруллина, Е. С. Яковлева и др.) считают, что ЯКМ представляет собой «зафиксированную в языке и специфическую для данного языкового коллектива схему восприятия действительности» [12: 47]. В связи с указанным выше противоречием не меньшую трудность вызывает отсутствие «ясности в понимании границ того, что непосредственно относится к языковой компетенции, а что выходит за пределы языковой компетенции и принадлежит сознанию вообще или культуре вообще и не находит прямого отражения в языке» [9: 117-118].

Как отмечает А. А. Буров, ЯКМ «включает в себя словарь, совокупность образов, закрепленных в языковых знаках, идеостиль говорящего, языковую идеологию носителей языка, тип ассоциативно-вербального отражения мира» [1: 43]. Вместе с тем предлагаемый А. А. Буриным состав компонентов ЯКМ можно дополнить. Не вызывает сомнений, что, кроме лексики - словаря, в формировании ее участвуют единицы других уровней языка, хотя большая часть исследований ЯКМ базируется на материале лексики и фразеологии.

Итак, ЯКМ - это действительность, отраженная в языке, языковое членение мира, информация о мире, передаваемая с помощью единиц языка разных уровней.

Языковая картина мира создается разными способами; наиболее выразительными и яркими, с нашей точки зрения, являются фразеологизмы, мифологемы, образно-метафоричные слова, коннотативные слова и др. В первую очередь внимание ученых привлекла лингвоспецифичная лексика и

фразеология. К лингвоспецифичным (language-specific) относятся слова, для которых трудно найти аналоги в других языках.

Анализ этого материала позволил Ю.Д. Апресяну, Е.Э. Бабаевой, О.Ю. Богуславской, И.В. Галактионовой, Л.Т. Елоевой, Т.В. Жуковой, Анне А. Зализняк, Л.А. Климковой, М.Л. Ковшовой, Т.В. Крылову, И.Б. Левонтиной, А.Ю. Малафееву, А.В. Птенцовой, Г.В. Токареву, Е.В. Урысон, Ю.В. Хрипунковой, А.Т. Хроленко, А.Д. Шмелеву и другим ученым реконструировать фрагменты ЯКМ, специфичные именно для русского видения мира и русской культуры, выявить целый ряд сквозных мотивов, ключевых идей, устойчиво повторяющихся в значении таких русских ключевых слов и фразеологизмов, как *выйти* (Ю.Д.

Апресян, *близкое, следующее, молодое, старое, мясопуст, сыропуст, даль, ширь, приволье, раздолье, простор, неприкаянность, маяться, томиться, гуляния, авось, душа, судьба, тоска, счастье, разлука, справедливость, обида, попрек, собираться, добираться, постараться, сложилось, довелось, заодно, на своих двоих, на всякий случай и др.* (Анна А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев), русских «показателей длительности» *момент, минута, мгновение, миг, секунда, час* (Е.С. Яковлева) и др.

Наше миропонимание частично находится в плену у языковой картины мира. Каждый конкретный язык включает в себе национальную, самобытную систему, которая определяет мировоззрение носителей данного языка и формирует их картину мира.

Мир, отраженный сквозь призму механизма вторичных ощущений, запечатленных в метафорах, сравнениях, символах - это главный фактор, который определяет универсальность и специфику любой конкретной национальной языковой картины мира. При этом важным обстоятельством является разграничение универсального человеческого фактора и национальной специфики в различных языковых картинах мира [10,12]. Таким образом, языковая картина мира - есть исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке

совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности.

Проблема изучения языковой картины мира тесно связана с проблемой концептуальной картины мира, которая отображает специфику человека и его бытия, взаимоотношения его с миром, условия его существования. Для реконструкции ЯКМ в лингвистике используются различные языковые средства.

Сопоставительный аспект языковых картин мира разных народов с точки зрения лексики и фразеологии представлен в работах Г. А. Багаутдиновой, изучавшей фразеологизмы антропоцентрической направленности в русской и английской ЯКМ, Х. А. Джахангири Азара, сравнившего ЯКМ русского и персидского языков, М.В. Завьяловой, выявившей на материале заговоров особенности моделей мира русского и литовского народов, Ли Тоан Тханг, проанализировавшей пространственную модель мира на материале вьетнамского и русского языков, Ю. А. Рылова, исследовавшего семантические доминанты русской и итальянской ЯКМ, Р. Х. Хайруллиной, воссоздавшей фразеологическую картину мира русского и башкирского языков, Т. А. Яковлевой, проанализировавшей на материале немецкого и испанского языков субстантивную полисемию как источник изучения ЯКМ.

Языковая картина мира может быть реконструирована с привлечением данных словообразовательной системы. Так, Е.С. Кубрякова исследовала роль словообразования в формировании ЯКМ [7]. С.М. Колесникова раскрыла особенности содержания градуального фрагмента русской ЯКМ. Общие проблемы градуальной семантики анализируются С.М. Колесниковой с учетом словообразовательных средств выражения различной степени величины признака, действия, предмета или явления.

Грамматические средства, по мнению лингвистов, также чрезвычайно важны в формировании ЯКМ. Внимание языковедов привлекали связи семантики разных частей речи с ЯКМ (И.Ю. Гринева, И.М. Кобозева, А.Г. ,

Л.Б. Лебедева), роль отдельных грамматических и лексико-грамматических категорий в языковом способе отражения действительности (О.Ф. Жолобов, О.С. Ильченко, Н.Ю. Лукина, отражение русской языковой картины мира в лексике и грамматике, отражение ЯКМ в синтаксических конструкциях разных языков (Е.В. Агафонова, Л.Г. Бабенко, А.А. Буров и др.).

ЯКМ с точки зрения текстовой организации рассматривали И.Р. Гальперин, Е.И. Диброва, И.П. Карлявина, С.Д. Кацнельсон, Л.М. Лосева, Е.И. Матвеева, Т.М. Николаева и др.

Наконец, реконструируя ЯКМ, ряд ученых, кроме фактов языка, учитывают любые тексты культуры, считая главными компонентами ЯКМ концепты и общие смысловые категории языка. Так, А.П. Бабушкин К. Дуйсекова выделили типы концептов в лексико-фразеологической системе языка, З.Д. Попова - в синтаксической.

ЯКМ имеет сложную типологию. Относительно лингвистики картина мира должна представлять систематизированный план языка. Как известно, любой язык выполняет ряд функций: функцию общения (коммуникативную), функцию сообщения (информативную), функцию воздействия (эмотивную) и функцию фиксации и хранения всего комплекса знаний и представлений данного языкового сообщества о мире. Результат осмысления мира каждым из видов сознания фиксируется в матрицах языка, обслуживающего данный вид сознания. Кроме того, картина мира содержит этнический компонент, который представлен языковой картиной мира, а также совокупностью традиций, верований, суеверий. Таким образом, следует говорить о множественности картин мира: о научной языковой картине мира, языковой картине мира национального языка, языковой картине мира отдельного человека, фразеологической картине мира, об этнической картине мира, и др. [1, 10,12].

По мнению Л. А. Климковой, «ЯКМ, являясь инвариантом, представляет собой систему фрагментов (частных ЯКМ) - этнического, территориального (регионального), социального, индивидуального, отражая

восприятие и осмысление окружающего мира человеком как представителем этноса, определенной территории (региона), социума, как личностью» [6: 12]. В свою очередь этническая ЯКМ также включает в себя частные фрагменты. Это могут быть региональные ЯКМ в составе национальной ЯКМ и диалектная ЯКМ с региональными ЯКМ в ее составе. С позиции социолингвистики исследуется советская идеологическая ЯКМ (Т.В. Шкайдерова), элитарная и массовая ЯКМ (С.М. Белякова). С точки зрения уровневого подхода к изучению языка анализируют фразеологическую ЯКМ Т.М. Филоненко, Р.Х. Хайруллина.

Кроме научной и наивной картин мира выделяется и национальная языковая картина мира. Как известно, роль языка состоит не только в передаче сообщения, но и во внутренней организации того, что подлежит сообщению, вследствие чего возникает как бы «пространство значений» (в терминологии А.Н. Леонтьева), т.е. закрепленные в языке знания о мире, куда непременно вплетается национально-культурный опыт конкретной языковой общности. Именно в содержательной стороне языка (в меньшей степени в грамматике) явлена картина мира данного этноса, которая становится фундаментом всех культурных стереотипов.

Национальных языковых картин мира существует столько, сколько существует языков. Некоторые ученые утверждают, что национальная картина мира непроницаема для иноязычного сознания, предполагается, что использование таких слов как познаваемость и постигаемость является наиболее удачным, поскольку познать национальную языковую картину мира носителя другого языка можно лишь путем сознательного отстранения от эквивалентов собственной картины мира, используя принцип «презумпции незнания» (Г. Д. Гачев). Мы полагаем, что национальная картина мира может считаться отражением национального характера и ментальности

1.3. Русская лексика с точки зрения ее происхождения

Русский язык по сходству корней, аффиксов, слов, фонетических, грамматических и других языковых особенностей входит в современную славянскую семью языков, которая распадается на три группы: восточнославянскую (украинский, белорусский, русский языки), западнославянскую (современные чешский, словацкий, польский, кашубский, серболужицкий и мертвый полабский языки), южнославянскую (современные болгарский, македонский, сербско-хорватский, словенский языки, а также мертвый старославянский язык, который включается в эту группу условно, так как в нем есть черты групп других языков). Подобная классификация славянских языков основывается на общности их происхождения и исторического развития [11, 53].

Современные славянские языки уходят корнями в то далекое прошлое, когда их объединяла этническая и языковая общность. К этому периоду (примерно до VII в. н. э.) относится существование единого общеславянского (или праславянского) языка, который, в свою очередь, восходит к еще более раннему по времени функционированию единому индоевропейскому праязыку, породившему современную индоевропейскую семью языков с многочисленными группами и подгруппами.

Процесс формирования словарного состава русского языка длительный и сложный. «История слов,— отмечает Р.А. Будагов,— это не только история этимологии, но и история всего последующего их движения в языке и в обществе». Следовательно, вопросы происхождения русской лексики, пути ее развития тесно связаны с происхождением и историей русского народа [14, 170].

Кроме слов, которые появились в русском языке сравнительно недавно и появляются в настоящее время, в нем немало таких языковых единиц, история которых уводит нас в далекое прошлое славянских племен. Эти

слова (а чаще их основы) входят составной частью в современную русскую лексику как одна из групп исконной, т. е. существующей издавна (искони) лексики. Выделяются еще несколько групп исконной лексики русского языка, а также слова, пришедшие из других языков (т. е. заимствованная лексика). Учитывая все это, лексикология называет два основных пути развития словарного состава:

- 1) существование и постоянное возникновение исконных слов и
 - 2) заимствование слов из других языков.
- В соответствии с относительно установленной хронологией развития словарного состава русского языка в нем выделяют несколько ярусов исконной лексики: индоевропейский, общеславянский, восточнославянский (или древнерусский), собственно русский. Схематично (без строгого учета временного соотношения лексических пластов) это может быть представлено следующим образом: Индоевропейскими называются слова, которые после распада индоевропейской этнической общности (конец эпохи неолита) были унаследованы древними языками этой языковой семьи, в том числе и общеславянским языком. Так, общими для многих индоевропейских языков будут некоторые термины родства: мать, брат, дочь; названия животных, продуктов питания: овца, бык, волк, мясо, кость и т. д. Общеславянскими (или праславянскими) называются слова, унаследованные древнерусским языком из языка славянских племен, занимавших к началу нашей эры обширную территорию между Припятью, Карпатами, средним течением Вислы и Днестра, а в дальнейшем продвинувшихся на Балканы и на восток 1. В качестве единого средства общения он использовался приблизительно до VII в. н. э., т. е. до того времени, когда в связи с расселением славян (оно началось раньше, но наибольшей интенсивности достигло к VI—VII вв.) распалась и их языковая общность. Естественно предполагать, что и в период распространения единого общеславянского языка уже существовали территориально обособленные (диалектные) различия, которые в дальнейшем послужили основой для формирования отдельных славянских

языковых групп: южнославянской, западнославянской и восточнославянской. Однако в каждой из этих групп выделяются слова, появившиеся в период общеславянского единства.

Например, общеславянскими в русской лексике являются наименования, связанные с растительным миром: дуб, липа, ель, сосна, клен, ясень, рябина, черемуха, лес, бор, дерево, лист, ветвь, ветка, кора, сук, корень; названия культурных растений: просо, ячмень, овес, пшеница, горох, мак; названия трудовых процессов и орудий труда: ткать, ковать, сечь, мотыга, челнок; названия жилища и его частей: дом, сени, пол, кров; названия домашних и лесных птиц: курица, петух, гусь, соловей, скворец, ворона, воробей; названия продуктов питания: квас, кисель, сыр, сало и т. д. Восточнославянскими (или древнерусскими) называются слова, которые, начиная с VIII в., возникали в языке восточных славян (предков современных русских, украинцев, белорусов), объединившихся к IX в. и образовавших большое государство — Киевскую Русь.

Историческая лексикология располагает пока незначительными сведениями о специфике древней восточнославянской лексики. Однако несомненно, что есть слова, известные только трем восточным славянским языкам. К таким словам относятся, например, названия различных свойств, качеств предмета, действий: темный, бурый, сизый, хороший, рокотать; термины родства, бытовые названия: падчерица, дядя, племянник, лапоть, кружева, багор, погост; названия птиц, животных: снегирь, белка; единицы счета: сорок, девяносто; ряд слов с общим временным значением: сегодня, после, теперь и др.

Собственно русскими называются все слова (за исключением заимствованных), которые появились в языке уже тогда, когда он сформировался сначала как язык великорусской народности (с XIV в.), а затем и как национальный русский язык (с XVII в.).

Собственно русскими будут, например, наименования предметов быта, продуктов питания: волчок, вилка, обои, обложка, варенье, голубцы,

лепешка, кулебяка; названия явлений природы, а также растений, плодов, животных, птиц, рыб: вьюга, гололед, зыбь, ненастье, кустарник, антоновка, выхухоль, грач, курица, голавль; наименования действий: ворковать, влиять, встретить, исследовать, корчевать, маячить, разредить; наименования признака предмета, а также признака действия, состояния и т. д.: выпуклый, досужий, дряблый, кропотливый, особенный, пристальный; вдруг, впереди, всерьез, дотла, кстати, мельком, наяву, однажды; наименования лиц по роду занятий: возчик, гонщик, каменщик, кочегар, летчик, наборщик, наладчик и многие другие; наименования отвлеченных понятий: опыт, обиняк, обман, итог, урон, опрятность, осторожность и многие другие слова с суффиксами -ость, -ство и т. д. [21, 82].

1.4. Два типа заимствований в современном русском языке

Русский народ с древних времен вступал в культурные, торговые, военные, политические связи с другими государствами, что не могло не привести к языковым заимствованиям (хотя в целом они составляют небольшой процент в русской лексике). Постепенно заимствованные слова, ассимилировались (от лат. *assimilare* — усиливать, уподоблять) заимствующим языком, вошли в число общеупотребительных слов и уже не воспринимались как иноязычные. В настоящее время такие слова, как *автобус*, *автомат*, *активист* или *сахар*, *свекла*, *баня* и другие, считаются русскими, хотя они пришли: первое — из немецкого языка, второе и третье — из французского, а три последние из греческого языка. Вполне обрусели и такие слова, как *школа* (из латинского языка через польский), *артель* (из тюркских языков) и многие другие. Национальная самобытность русского языка ничуть не пострадала от проникновения в него слов иноязычных, так как заимствование — вполне закономерный путь обогащения любого языка.

В зависимости от того, из какого языка пришли те или иные слова, могут быть выделены два типа заимствований: 1) из славянских языков (т. е. родственные) и 2) из неславянских языков.

К первому типу относятся заимствования из старославянского языка (иногда в лингвистической литературе его называют древнеболгарским), а также из других славянских языков (например, польского, болгарского, чешского и др.). Ко второму типу — из греческого, латинского языков, а также тюркские, скандинавские, западноевропейские (романские, германские и др.) заимствования и т. д.

По времени появления в русском языке заимствования также неоднородны: одни из них являются ранними (распространились или в период общеславянского языкового единства или в период развития восточнославянского языка), другие — более поздними (пополняли уже собственно русскую лексику) ¹.

Из родственных славянских языков в исконную лексику русского языка в разные исторические периоды его развития вошло немало слов.

Одними из самых ранних, сыгравших наиболее значительную роль в последующем становлении и развитии русского литературного языка были заимствования из старославянского языка, т. е. старославянизмы.

Старославянским называют язык, который, начиная с IX в., использовался в качестве литературного письменного языка для перевода греческих богослужебных книг и внедрения христианской религии в славянских странах (например, в Моравии, Болгарии, Сербии, в Древней Руси). В его основу два греческих миссионера, братья Константин (в монашестве принявший имя Кирилл) и Мефодий, крупные ученые своего времени, положили македонский диалект древнеболгарского языка. В состав старославянского языка вошли элементы из многих известных греческим просветителям живых славянских языков того времени, а также из греческого, латинского и других языков. (Именно поэтому, его отнесение к группе южнославянских языков и является несколько условным.)

Современные исследователи отмечают, что это был язык «священный», т. е. нормализованный, функционально отличный от народно-разговорного языка. Как всякий литературный язык, он был в известной степени искусственный и «в эпоху средневековья ареально-интернациональный...»¹, т. е. представлял собой своего рода «славянскую латынь», противопоставлявшуюся собственно латыни — древнему латинскому языку, на котором шло богослужение во многих европейских странах, в том числе и в некоторых славянских (например, Моравии), для которых этот язык был чуждым, непонятным.

Старославянский язык, применявшийся с самого начала в качестве языка церкви, называют еще церковнославянским. В отдельных странах он принимал локальные черты местных славянских языков и в этом виде использовался за пределами литургических текстов, в произведениях древней славянской литературы, в частности и древней русской литературы².

На Руси старославянский язык получил широкое распространение в конце X в., после принятия христианства.

Границы употребления этого языка (а точнее — его церковнославянского варианта) постепенно расширялись. Он подвергался влиянию исконно русского языка. В памятниках древнерусской письменности (особенно в летописях) нередки случаи смешения старославянского и русского языков. Это свидетельствовало о том, что старославянизмы не были чуждыми заимствованиями и многие, из них прочно укреплялись в русском языке как близкородственные.

Из старославянского языка в русский пришли, например, церковные термины: *священник, крест, жезл, жертва* и др.; многие слова, обозначающие абстрактные понятия: *благодать, согласие, вселенная, бессилие, блуждание, бедствие, добродетель* и др.

Старославянизмы, заимствованные русским языком, не все одинаковы: одни из них являются старославянскими вариантами слов, существовавших еще в общеславянском языке (*глад, враг* и др.); другие

— собственно -старославянскими (*лани́ты, уста, перси, агне́ц* и т. д.), причем существующие исконные слова русского языка, синонимичные им, иные по своей фонетической структуре (*ще́ки, губы, груди, я́гненок*). Наконец, выделяются так называемые семантические старославянизмы, т. е. слова по времени появления общеславянские, однако получившие особое значение именно в старославянском языке и с этим значением вошедшие в состав русской лексики (*грех, господь* и т. д.).

Старославянизмы имеют звуковые (фонетические), морфологические и семантические признаки.

К основным звуковым признакам относятся:

1) неполногласие, т. е. наличие сочетаний *-ра-, -ла-, -ре-, -ле-*, на месте русских *-оро-, -оло-, -ере-, -оло-* в пределах одной морфемы: *врата, злато, чреда, плен* (ср. русские: *ворота, золото, очередь, устар. полон*);

2) сочетания *ра-, ла-* в начале слов на месте русских *ро-, ло-:* *равный, ладья* (ср.: *ровно, лодка*);

3) в известных условиях сочетание *жд* на месте русского *ж* (из общеславянского *dj*): *хождение (хожу), вождение (вожу)*;

4) согласный *щ* на месте русского *ч* (из общеславянского *tj*): *освещение (свеча)*;

5) звук *е* под ударением перед твердыми согласными и на месте русского *ё (о)*: *небо (нёбо), перст (напёрсток)*;

6) звук *е* в начале слова на месте русского *о*: *есень (осень), езеро (озеро), единица (один)*.

Морфологическими признаками являются старославянские словообразовательные элементы: - 1) приставки **воз-** (*воздать, возвратить*), **из-** (*излить, извергнуть, изгнать*), **низ-** (*низвергнуть, ниспадать*), **чрез-** (*чрезмерный*), **пре-** (*презреть, преемник*), **пред-** (*преднамеренный*);

2) суффиксы **-стви** (*е*) (*благоденствие, бедствие*), **-ч** (*ий*) (*ловчий*), **-знь** (*казнь, жизнь*), **-те** (*а*) (*битва*), **-ущ-, -ющ-, -ащ-, -ящ-** (*сведущий, тающий, лежащий, говорящий*);

3) характерные для старославянского языка первые части сложных слов: *благо-, бого-, добро-, зло-, жертво-, едино-* и др. (*благодать, богобоязненный, добродетель, злонравие, жертвоприношение, единообразие*).

Старославянские слова обладают и некоторыми семантико-стилистическими признаками. Например, по сравнению со сходными исконными словами русского языка многие старославянизмы сохранили свое отвлеченное значение, т. е. остались в сфере слов книжных, обладая стилистическим оттенком торжественности, приподнятости. Ср.: *брег* (русское *берег*), *влачить* (русское *волочить*), *длани* (русское *ладони*), *врата* (русское *ворота*), *храм* (русское *хоромы*) и т. д. Слова подобного типа некоторые исследователи, например проф. Г. О. Винокур, называют «славянизмами в стилистическом смысле», т. е. «славянизмами по употреблению»¹, четко отделяя их от славянизмов «генетических», т. е. по происхождению» (греч. *genetikos* — относящийся к происхождению).

Если сравнить старославянизмы с русскими вариантами, то можно, вслед за Г. О. Винокуром, выделить три группы слов: а) старославянские слова, русские варианты которых, хотя и зафиксированы в древних памятниках, но неупотребительны: *благо* — *болого*, *влага* — *воло-га* и т. д.; б) старославянизмы, употребляемые наряду с русским вариантом, имеющим иное значение: *гражданин* — *горожанин*, *главный* — *головной*, *прах* --- *порох*;

в) старославянизмы, редко употребляемые в современном языке и имеющие русские варианты с тем же значением: *глас* — *голос*, *влас* — *волос*, *врата* — *ворота*, *злато* — *золото*, *млад* — *молод* и др. Использование слов последней группы (например, в поэтической речи) стилистически уместно и оправдано. Эти славянизмы являются славянизмами и по происхождению и по стилистическому употреблению. Именно их и предлагал Г. О. Винокур отделять от тех слов, которые относятся к старославянизмам только по происхождению (т. е. генетическим) и которые в процессе употребления утрачивают

присущие им стилистические приметы (например, слова *приятный, иногда, обладать, сладкий, здравствуй, время, храбрый* и мн. др.), хотя и сохраняют нередко семантику отвлеченности (ср. значение слов: *власть* и устар. *волость, страна — сторона, бремя — беремя, вращать — воротить, поворотить* и т. д.).

Роль стилистических старославянизмов в языке неодинакова. В поэтических и прозаических произведениях они служат средством стилизации эпохи (т. е. помогают воссоздать колорит описываемого времени) или архаизации стиля на библейско-евангельский лад. Например, в этой функции широко использовал старославянизмы А. С. Пушкин в «Борисе Годунове», А. К. Толстой в исторических драмах, А. Н. Толстой в «Петре I» и др. С этой же целью употребила В. Инбер славянизмы *плеяда, град*: В плеяде столь прославленных имен, Как Измаил, Полтава, Севастополь Прибавился теперь еще и он, *град* Ленина (В. Инб.).

Старославянизмы могут служить средством речевой характеристики героев (монахов, служителей церкви). Ярким примером этого является язык Пимена из «Бориса Годунова» А. С. Пушкина.

Старославянизмы могут быть использованы как средство передачи свободолобивых идей. Этот прием был применен еще Радищевым в его «Путешествии из Петербурга в Москву». Он нашел живой отклик в гражданской лирике А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и других поэтов. (См., например, такие стихотворения, как «Пророк», «Анчар» Пушкина, «На смерть поэта» Лермонтова). Его использовали в своих статьях В. Г. Белинский, Н. А. Добролюбов, Н. Г. Чернышевский, Д. И. Писарев, В. В. Боровский, А. В. Луначарский и многие другие.

Старославянизмы нередко употребляются в поэтической и прозаической (например, публицистической) речи как средство создания общей эмоциональной приподнятости, особой торжественности (ср. использование славянизмов в поэме А. С. Пушкина ¹ «Медный всадник», в стихах М. Ю. Лермонтова, В. Брюсова, А. Блока). Имен-- но с этой целью

употребляет М. Ю. Лермонтов славянизмы *оный* (тот, тот самый), *младой, порок, язвительный*:

*Того, кто страстью и пороком Затмил твои
младые дни, Молю, язвительным упреком Ты в
оный час не помяни!*

В художественной и публицистической литературе начиная с XIX в. старославянизмы иногда служили средством создания оттенков юмора, иронии, сатиры. В этом случае они использовались в несвойственном для них лексическом окружении, т. е. соединялись со словами иной стилевой принадлежности (разговорно-бытовыми, просторечными и т. д.). Подобное средство применяли В. Г. Белинский, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. П. Чехов, М. Горький (особенно в ранних фельетонах, а затем и более поздних памфлетах и очерках), В. В. Маяковский. Пользуются им и современные писатели, публицисты, поэты (например, Л. Мартынов).

Ср. ироническое обыгрывание церковнославянизмов *перст, чело, возводит очи* (в евангельском тексте: ...*возвел очи свои на небо*) в одном из ранних фельетонов М. Горького (Иегудиила Хламида):

— *Скажите, дорогой, сколько из фунта крупы выйдет каши?*

Сведущий в деле человек глубокомысленно возводит очи в потолок и, приставив перст к челу, соображает...

Следовательно, стилистические функции старославянизмов весьма разнообразны.

Кроме старославянизмов, в русском языке есть заимствования из других близкородственных славянских языков, например из польского, чешского, украинского, белорусского и др. По времени они являются более поздними. Так, некоторые заимствования из польского языка относятся к XVII—XVIII вв. Большая часть их, в свою очередь, восходит к европейским языкам (например, немецкому, французскому). Однако «сть и собственно польские слова. Они являются названием жилья, средств передвижения, предметов быта, одежды (*квартира, карета, козлы, скарб, куль, дратва,*

бекеша, кофта), названиями чинов, рода войск (*полковник, вахмистр, рекрут, гусар*), некоторые из них обозначают действие (*рисовать, тасовать, малевать*), служат названиями животных, растений, пищевых продуктов (*кролик, петрушка, каштан, фрукт, миндаль, повидло*) и т. д. -

Немало полонизмов заимствовано русским языком через посредство украинского или белорусского языков (например, слова *„маевка, молчком, план* и др.).

Наряду со словами, пришедшими из славянских языков, в русской лексике имеются неславянские заимствования, например, греческие, латинские, тюркские, скандинавские, западноевропейские.

а) Заимствования из греческого языка начали проникать в исконную лексику еще в период общеславянского единства. К ранним заимствованиям историческая лексикология относит, например, такие немногие бытовые слова, как *котел, кровать, хлеб* (печеный), *блюдо* и др. Более заметными были грецизмы, пришедшие в разгар активной деятельности Византии по христианизации славянских государств (начиная с IX в.). По времени эти заимствования совпадают с периодом формирования единого восточнославянского (древнерусского) языка, затем они проникали в язык в период последующего обособления собственно русского языка (наряду с языками украинским и белорусским). К ним относятся слова из области религии: *анафема, ангел, архиепископ, демон, митрополит, клирос, лампада, икона, протоиерей, пономарь*; научные термины: *математика, философия, история, грамматика*; бытовые термины: *лохань, баня, фонарь, тетрадь*; наименования растений и животных: *кипарис, кедр, свекла, крокодил* и др. Более поздние заимствования относятся главным образом к области искусства и науки: *хорей, анапест, комедия, мантия, стих, идея, логика, аналогия* и др. Некоторые греческие слова попали в русский язык через другие языки (например, французский).

Немало греческих слов (а также отдельных словообразовательных элементов) вошло в международный языковый фонд (особенно в области

научной лексики), например, лингвистические термины: *лексика, лексикология, семасиология, семантика, омоним, антоним* и т. д.

б) Заимствования из л а т и н с к о г о я з ы к а также сыграли значительную роль в обогащении русского языка, особенно в сфере научно-технической, общественной и политической терминологии.

Больше- всего латинских слов пришло в русский язык в период с XVI по XVIII в., особенно через польский и украинский языки, например: *школа, аудитория, декан, канцелярия, каникулы, директор, экзамен, экскурсия, диктант*. Их внедрению и распространению способствовали специальные учебные заведения.

Много слов латинского происхождения входит в группу терминов, являющихся международными: *республика, конституция, пролетариат, революция, диктатура, процесс, меридиан, натура, максимум, минимум, эрудиция, корпорация, лаборатория* и др.

в) Слова из т ю р к с к и х я з ы к о в проникали в русский язык в силу разных обстоятельств: и в результате ранних торговых и культурных связей, и как следствие военных столкновений. К ранним заимствованиям относят отдельные слова из языков аваров, хозар, печенегов, булгар и др., например: *ковыль, тушканчик, жемчуг, кумир, чертог, бисер* и т. д.

Среди тюркских заимствований больше всего слов из татарского языка, что объясняется историческими усло. виями (многолетнее монголо-татарское иго). Немало слов пришло из военной, торговой и бытовой речи: *атаман, караван, арба, кобура, курган, колчан, каракуль, кистень, казна, деньга, алтын, алмаз, базар, коврига, изюм, арбуз, таз, утюг, очаг, епанча, шаровары, кушак, тулуп, аршин, бакалея, лапша, чулок, баширек, сундук, халат, туман, кавардак* и многие другие.

К тюркским заимствованиям относятся почти все названия породы или масти лошадей: *аргамак* (порода рослых туркменских лошадей), *чалый, буланый, гнедой, караковый, каурый, бурый*.

г) Скандинавских заимствований (например, шведских, норвежских) в русском языке сравнительно немного. Большая часть их относится к периоду восточнославянского единства. Появление этих слов обусловлено ранними торговыми связями с народами скандинавских стран. Однако проникали не только слова торговой лексики, но и морские термины, слова бытовые, например: *крюк, якорь, ябеда, ларь, плис, кнут* и другие, а также имена собственные: *Игорь, Олег, Рюрик*.

д) В группе заимствований из западноевропейских языков особенно много слов из германских (немецкого, английского, голландского) и романских языков (французского, итальянского, испанского).

Из немецкого языка больше всего слов попало в русский язык в XVII—XVIII вв. в связи с реформами Петра I. Например, из военной лексики: *гауптвахта, ефрейтор, лагерь, фельдшер, фельдфебель, штаб, юнкер*; из торговой терминологии: *вексель, штемпель, фрахт*; из области искусства: *мольберт, капельмейстер, ландшафт*; из бытовой лексики (названия одежды, растений, птиц): *галстук, рейтузы, штиблеты, клевер, шпинат, вальдишен*; из области производства: *стамеска, фуганок, верстак*.

Голландские слова появились в русском языке большей частью также во времена царствования Петра I. Это были прежде всего мореходные термины: *буер, гавань, галс, лоцман, матрос, шкипер, шлюпка, верфь, дрейф, руль, рейд, рея, флаг, фарватер, флот, вымпел* и др. Вошли и слова, являющиеся названиями животных, предметов быта: *енот, зонтик, капор* и др.

Из английского языка при Петре I были заимствованы термины из области морского дела: *мичман, бот, бриг, яхта, ихуна* и др. В XIX—XX вв. проникли слова из области общественных понятий, технические термины, бытовые слова, спортивные термины, например: *бойкот, митинг, лидер, клуб, тоннель, вокзал, тендер, троллейбус, комфорт, плед, джинс, бифштекс, грог, кекс, пудинг, пуниш, футбол, баскетбол, хоккей, спорт, спортсмен, финиш* и т. д.

Из французского языка слова начали проникать лишь с середины XVIII—XIX вв. Сюда относятся такие бытовые названия, как *браслет, медальон, жилет, трико, пальто, сюртук, вуаль, корсаж, будуар, гардероб, туалет, мармелад, бульон, котлета*; слова из области искусства: *гавот, пьеса, актер, суфлер, режиссер, афиша, антрепренер*; военные термины: *атака, батальон, гарнизон, артиллерия, канонада, эскадра*; общественно-политические термины: *парламент, департамент, ассамблея, деклассированный, эксплуатация, деморализация* и многие другие.

Из других западноевропейских заимствований выделяются итальянские музыкальные термины: *ария, аллегро, либретто, тенор, браво, соната, каватина* и некоторые бытовые слова: *вермишель, макароны, гондола* и др. Незначительное количество слов заимствовано из испанского (главным образом через посредство французского): *серенада, кастаньеты, гитара, мантилья, каравелла, карамель, сигара, томат* и т. д.

Имеются отдельные заимствования из финского языка (*морж, пельмени, пурга*), из венгерского (*хутор*) и других языков.

В русском языке выделяются также некоторые иноязычные словообразовательные элементы. Например, приставки *а-, анти-, архи-, пан-* и т. д. из греческого языка; *де-, контр-, ультра-* и другие из латинского языка: *аполитичный, антимир, архиплуты; панславизм, дегероизация, контрудар, ультракрасный* (луч) и т. д.; суффиксы *-изм-, -ист-, -ер-, -изиров-а(ть)* из западноевропейских языков: *коллективизм, очеркист, ухажер, военизировать* и т. п.

Словообразовательные аффиксы не заимствуются русским языком. Но в процессе словообразования используется определенная модель, характерная для иноязычных слов, а также некоторые элементы этой модели (ср. французские слова *дирижер, стажер* и русское слово с французским суффиксом *ухажер*; французское *дебютант* и русское образование — *курсант*, впервые отмеченное в словаре Ушакова и т. д.). В этом проявляются закономерности внедрения иноязычных заимствований, их активная русификация.

Процесс освоения русским языком слов, пришедших из других языков, сложный и длительный. Проникая в русский язык, иноязычные слова, как правило, подвергаются изменениям фонетического, морфологического и семантического характера, подчиняясь законам и нормам русского языка. Например, гласные звуки, не совпадающие с русскими, передаются по-разному: двойные гласные *ей, ай, ее* и др. как *эв, ав, и:* *эвкалипт* (гр. *eukalyp-tos*), *автомобиль* (нем. *Automobil*), *митинг* (англ. *meeting*) и т. д.

К изменениям морфологического характера прежде всего относятся изменения в окончаниях, в некоторых суффиксах (в особенности, если заимствуется имя прилагательное или глагол), а также изменения грамматического рода, числа. Так, неупотребительные в русском языке иноязычные суффиксы, как правило, заменяются более распространенными (иногда тоже иноязычными): *гармонический* (от гр. *harmonikos*), *аморфный* (гр. *amorphos*), *вертикальный* (лат. *verticalis*), *пассивный* (лат. *passivus*); *иллюстрировать* (лат. *illustrare*), *регламентировать* (фр. *reglementer*), *маршировать* (из нем. *marschieren*) и т. д.

Иногда изменяется и *род* заимствованных имен существительных: *парламент* (нем. *das Parlament* — средний род), *аквариум* (лат. *aquarium* — средний род), *ба-зис* (греч. *basis* — женский род), *графин* (нем. *die Karaf-fe* — женский род), *шрифт* (нем. *die Schrift* — женский род), *карниз* (нем. *das Karnies* — средний род), *метод* (фр. *la methode* — женский род), *система* (греч. *syste-ma* — средний род), *схема* (греч. *cheme* — средний род) и многие другие или *число* — например, существительные, заимствованные в форме множественного числа, в русском воспринимаются как существительные в форме единственного: *клапан* (нем. *t\lappen* — мн. ч.), *кекс* (англ. *cakes* — мн. ч.), *силос* (исп. *silos* — мн. ч.) и т. д. '

Подвергаются изменению и первоначальные значения слов (ср.: немецкое *der Maler* — живописец и русское *маляр*, т. е. рабочий по окраске зданий, внутренних по-

мещений; французское *hasard* — случай и русское *азарт* — увлечение, запальчивость, горячность и др.).

Как отмечают современные лексикологи, к числу семантических особенностей освоения заимствованных слов относится изменение характера соотношения между родственными по происхождению словами.

Например, между словами , *консервы*, *консерватор* и *консерватория* в русском языке нет никакой связи, тем более что они пришли разными путями из различных языков: *консервы* из французского (*conserve*), *консерватор* из латинского (*conservator*), а *консерватория* из итальянского (*conservatory*). Однако все три слова восходят к латинскому глаголу *conservo* — сохраняю, берегаю (от лат. *conservare* — сохранять).

В процессе заимствования промежуточные однокоренные образования, характерные для данных слов в тех языках, из которых они пришли, были утрачены. Заимствованным оказался какой-то один член словообразовательного ряда, и семантическая связь между родственными образованиями, существовавшая в родном языке, оборвалась, т. е. произошла так называемая деэтимологизация (по определению Л. А. Булаховского). Подобным же образом, как отмечает Л. А. Новиков, произошло нарушение смысловой и словообразовательной связи между такими родственными по происхождению словами, как *роман*, *романский* и *романс* (фр.), *аквариум* и *акварель* (лат.), *гонор* и *гонорар* (лат.), *гимнастика* и *гимназия* (греч.), *тральщик* и *траулер* (англ.), *канцелярия* и *канцлер* (нем.) и др.

Изменение семантики заимствованных слов бывает связано и с тем, что в русском языке укореняются не все значения слова, пришедшего из другого языка. Например, произошло сужение многозначных в английском языке слов *бизнес* (ср. в англ. *business*— 1) занятие, дело, профессия; 2) торговое предприятие, фирма; 3) выгодная сделка), *спорт* (англ. *sport*—1) развлечение, шутка; 2) болельщик; 3) щеголь). У первого слова в русском языке утвердилось третье значение, а у второго — первое, но с явным семантическим уточнением и дополнением '.

Однако не все заимствованные слова подвергаются переоформлению или переосмыслению, ср.: *жюри* — фр. *jury*; *денди, леди* — англ. *dandy, lady*; *норма, форма* — лат. *norma, forma* и др.

Сохранению исконной сущности заимствованного слова способствует так называемое калькирование. Различают два типа калек: словообразовательные и семантические.

Словообразовательной калькой называется слово или выражение, образованное посредством копирования того способа, при помощи которого оно образовано в родном языке. Такого рода кальки возникают в результате буквального перевода на русский язык отдельных значащих частей слова (приставок, корней и т. д.).

Кальками с латинского или греческого являются, например, слова: *междометие* (лат. *inter + jectio*), *наречие* (лат. *ad + verbum*), *правописание* (греч. *orthos + grap-ho*), *жизнеописание* (греч. *bios + grapho*), *сверхчеловек* (нем. *uber + Mensch*) и др.

К семантическим калькам относятся слова, в которых заимствованным является значение, например: *трогать* (фр. *toucher*) в значении «вызывать сочувствие», *гвоздь* (фр. *clou*) в сочетании «гвоздь программы» и др.

Словообразовательные кальки известны от слов греческих, латинских, немецких, французских, семантические кальки — преимущественно от французских слов.

Кроме полных лексических (словообразовательных и семантических) калек, в русском языке выделяются еще и полукальки, т. е. слова, в которых наряду с заимствованными частями имеются и исконные русские. По составу эти слова являются копией иноязычных слов. К полукалькам относится, например, слово *гуманность* (русский суффикс *-ость*).

Сведения о происхождении слов можно получить, во-первых, в современных толковых словарях (например, в 17-томном академическом «Словаре современного русского литературного языка»), во-вторых, в

специальных словарях: исторических, этимологических, словарях иностранных слов.

Одним из основных исторических словарей русского языка являются «Материалы для словаря древнерусского языка» акад. И. И. Срезневского, которые он собирал, обрабатывал и готовил к публикации в течение 40 лет. Словарь был напечатан в трех томах с дополнением (1893 г., 1902 г. и 1912 г.). В 1958 г. переиздан фототипическим способом. В него вошло много слов и выдержек из памятников XI—XIV вв. Слова расположены в алфавитном порядке. Примеры приведены, с учетом хронологической последовательности. Из недочетов словаря современные лексикографы обычно указывают на отсутствие толкований многих слов (объяснение значения нередко дано через латинский синоним), недостаточно четкое разграничение слов исконных и заимствованных, отсутствие грамматических и стилистических помет.

Лексика XV—XVII вв. частично отражена в «Материалах для словаря древнерусского языка» А. Л. Дювернуа (изданы в 1894 г.). В словарь включено около 6 тысяч слов. Вместо русских объяснений здесь использованы латинские переводы древнерусских слов.

В 1937 г. под ред. акад. Б. Д. Грекова были опубликованы «Материалы для терминологического словаря древней России» Г. Е. Кочина. В словарь включены общественно-политические и экономические термины, использованные в исторических документах XI—XV вв.

Материалы для этимологических словарей в виде отдельных заметок писателей и ученых публиковались еще в XVIII и начале XIX в.

В 1910—1914 гг. А. Г. Преображенским были изданы первые 14 выпусков (два тома) «Этимологического словаря русского языка». После его смерти словарь был закончен по рукописям автора (со слова *суля* и далее) и опубликован в 1949 г. в «Трудах Института русского языка», т. 1. В 1960 г. словарь был издан фотомеханическим способом полностью в одном томе. В словарь включены многие исконные слова русского языка, а также

отдельные заимствования. Расположение материала осуществлено по первообразным (корневым) словам. Для объяснений использованы этимологические исследования других авторов. Несмотря на неполноту и неточность некоторых объяснений, словарь сохранил свою ценность до сих пор. .

В 1961 г. в Москве был издан «Краткий этимологический словарь русского языка» Н. М. Шанского, В. В. Иванова, Т. В. Шанской под ред. С. Г. Бархударова (в 1971 г. он был переиздан с дополнениями и уточнениями). В словаре в алфавитном порядке объяснена этимология наиболее употребительных слов современного русского языка (в 1-м издании 5 тысяч слов, во 2-м более 6 тысяч слов). Он является ценным пособием для изучающих русский язык.

С 1963 г. этимологический кабинет Московского университета начал выпускать «Этимологический словарь русского языка», предназначенный для специалистов-филологов. Предполагается издать 8 выпусков. Пока вышло пять выпусков первого тома словаря (на буквы А — Ж, под руководством проф. Н. М. Шанского).

В 1950—1958 гг. в Гейдельберге издавался на немецком языке «Русский этимологический словарь» М. Фас-мера. С 1964 г. печатается русский перевод, осуществленный О. Н. Трубачевым (к 1971 г. издано 3 тома). При подготовке перевода О. Н. Трубачев в обширном дополнении, помещенном в конце словаря, учел многие исправления автора, внесенные им уже после выхода немецкого издания словаря. Кроме того, в словарь включены новые этимологии, даны научные комментарии (они приведены в квадратных скобках). Представляет интерес ценное предисловие критико-библиографического характера, написанное проф. Б. А. Лариным. Словарь М. Фас-мера намного полнее словаря Преображенского, однако в нем есть спорные и неточные этимологии.

В 1970 г. в Киеве издан «Этимологический словарь русского языка» Г. П. Цыганенко, подготовленный на материале существующих этимологических

словарей русского и других славянских языков. В основу положены исконные корневые слова. Материал расположен по ал-ф.авитно-гнездовому способу. В пояснениях, данных в конце словаря, раскрыто содержание некоторых лингвистических терминов; сообщены краткие сведения о времени возникновения, источниках происхождения слов русского языка, а также о тех изменениях, которые произошли в историческом развитии некоторых слов с затемненной этимологией.

В словарях иностранных слов объясняются такие заимствования из неславянских языков, которые воспринимаются современными носителями как иноязычные. Эти словари дают толкование значения слова и указывают на источник заимствования. Первыми словарями иностранных слов были рукописный «Лексикон вокабулам новым по алфавиту...» и ряд терминологических словарей (XVIII в.). В XIX в. появилось немало словарей иноязычных слов.

В свое время словари иностранных слов издавались неоднократно. Например, в 1939 г. появился словарь под ред. проф. Ф. Н. Петрова с приложением Н. Ф. Юшманова «Грамматика иностранных слов».

Самым полным из имеющихся словарей подобного рода является «Словарь иностранных слов» под редакцией И. В. Лехина и Ф. Н. Петрова (5-е издание вышло в 1955 г.). В словаре дается краткое объяснение слов и терминов иноязычного происхождения, встречающихся в разных стилях речи, указывается происхождение слова, нередко отмечается путь заимствования.

1.5.Славянизмы в русском языке и их место в языковой картине мира

Каждый конкретный язык заключает в себе национальную, самобытную систему, которая определяет мировоззрение носителей данного языка и формирует их языковую картину мира.

Русский язык наследовал комплекс церковнославянских словообразовательных формантов (суффиксы -тель, -тельн, -ств(о), -стви(е), -ени(е), -ость, -ейш-, суффиксы причастий, приставки пре-, пред-, воз-/вос, из-, чрез-, со- и др.), а также модели словообразования, в том числе модели образования сложных слов. Словообразовательные форманты и модели, заимствованные русским языком на разных исторических этапах его развития из старославянского или церковнославянского языка[i], а также процесс сложного взаимодействия близкородственных древнерусского и старославянского языков в диахронии были проанализированы в ряде русских и зарубежных публикаций, в том числе и монографических [Шахматов 1941, Винокур 1959, Улуханов 2004, 2009], на которые мы опираемся в своем исследовании. Данные словообразовательные морфемы и модели, а также образованные при помощи них слова относятся к церковнославянизмам, или славянизмам.

Понятие «славянизм», как отмечал Г.О. Винокур, имеет два значения: «одно – генетическое, другое – стилистическое». В генетическом смысле наименование славянизма приложимо ко всем явлениям русской речи, которые имеют не русское, а церковнославянское происхождение». С этой точки зрения, к генетическим славянизмам можно причислить совершенно обычные

слова современного русского языка, общеупотребительные в письменной и устной речи, которые включают в себя хотя бы один какой-нибудь элемент, восходящий к церковнославянскому источнику, например так называемые неполногласные слова, вроде нрав, враг (при русских норов, ворог), действительные причастия настоящего времени и многие другие явления. Другую группу составляют стилистические славянизмы, «не встречающиеся в настоящее время в общем употреблении» и пригодные только для целей стилизации» [Винокур 1959: 443, 444, 448]. Г.О. Винокур считал, что «в современном русском литературном языке славянизмы не составляют уже живой и действенной стилистической категории», поэтому есть основания говорить о факте «почти полного отсутствия в современном языке стилистических славянизмов» [Винокур 1959: 459].

Н.С. Арапова, автор словарной статьи о славянизмах в Лингвистическом энциклопедическом словаре (ЛЭС), занимает сходную позицию. Она считает, что славянизмы в русском языке выполняли стилистическую функцию создания высокого стиля лишь до середины XIX в., со второй половины XIX в. использовались уже как средство пародирования напыщенного или официозного слога, а в XX в. – как средство создания исторического колорита или речевой характеристики персонажей [ЛЭС 1990: 460]. Не случайно, что и в исследованиях стилистического аспекта словообразования современного русского языка в последней четверти XX в. славянизмы[*ii*], так же как и высокий стиль русского языка, рассматриваются лишь эпизодически [Виноградова 1986, 1992].

По нашему мнению, подобные выводы были справедливы для своего времени. Церковнославянизмы как стилистическая категория, как строительный материал для высокого стиля русского языка, нуждаются в «питательной среде» – в активном использовании церковнославянского

языка. Об этом писали многие выдающиеся филологи – Н.С. Трубецкой, В.К. Журавлев, Д.С. Лихачев, В.В. Колесов и др. «Русский литературный язык постоянно подпитывался живительным словом из чистейшего источника – церковнославянского языка. Активный носитель русского литературного языка постоянно слышал церковнославянское слово при посещении православного русского храма, при самостоятельном чтении книг церковных... С первых шагов в храм, с первой молитвы русский ребенок начинал осознавать наличие двух рядов схожих слов (огород - ограда, рот - уста, глаз - око, лампа - лампада, один - един, верю - верую, нёбо - небеса и т.п.). Ряду слов, связанных с обыденным, бытовым, был четко противопоставлен другой ряд слов, относящихся к чему-то возвышенному... И нельзя их разорвать, нельзя ограничивать свою речь лишь одним рядом» [Журавлев 1998: 222–223]. Примеры парных слов, существующих в современном русском языке, одно из которых по своему происхождению церковнославянское, другое – русское, можно продолжить. «Оба словесных выражения дифференцируются в своем значении, притом либо так, что церковнославянское слово получает торжественный и поэтический обертон, отсутствующий у соответствующего русского (ладья : лодка, перст : палец... чело : лоб, дева : девушка, дитя : ребенок, великий : большой, согбенный : согнутый, хладный : холодный и т.д.), либо так, что церковнославянское слово имеет переносное и более абстрактное, а русское – более конкретное значение»: обратить : оборотить, небрежный : небережный, страна : сторона, краткий : короткий, глава : голова, оградить : огородить, откровенный : открытый, равный : ровный, краткий : короткий, чуждый : чужой... влачить : волочить, спросить : спросить и др. [Трубецкой 1990: 121]. Рассмотрев также другие типы стилистических церковнославянизмов в русском языке, Н.С. Трубецкой анализирует в связи с ними «особенности и особые «удобства» русского языка», в первую очередь назвав совершенную технику образования новых слов, в том числе в русской научной терминологии. «Так как церковнославянские слова, за редкими исключениями..., не

ассоциируются в сознании со слишком конкретными представлениями обыденной жизни, они как нельзя более подходят именно для образования новых слов в вышеописанном смысле» – как научных терминов, ср.: млекопитающие, Млечный путь, пресмыкающиеся и др. Но самая замечательная особенность современного русского языка, отражающего «разные комбинации церковнославянской и великорусской стихий» – это стилистическая система русского языка: «русский литературный язык очень богат разнообразнейшими стилистическими возможностями», о которых писал еще М.В. Ломоносов. Таким образом, делает вывод Н.С. Трубецкой, «сопряжение великорусской стихии с церковнославянской сделало русский литературный язык совершеннейшим орудием как теоретической мысли, так и художественного творчества. Без церковнославянской традиции русский язык вряд ли достиг бы такого совершенства» [Трубецкой 1990: 123–124].

Языковая картина мира может быть реконструирована с привлечением данных словообразовательной системы. Так, Е.С. Кубрякова исследовала роль словообразования в формировании ЯКМ [7]. В связи с этим следует отметить, что определяя роль славянизмов в языковой картине мира, нельзя не назвать морфологические (словообразовательные) признаки старославянизмов, выделенные М. И. Фоминой и П. А. Лекантом:

- 1) Некоторые приставки на «-з»: «воз-» («воздать», «возвратить»); «из-» (со значением «направления откуда-то изнутри»: «изгнать», «излить»); «низ-»/«нис-» («низвергнуть», «ниспадать»); «чрез-» («чрезмерный»); «пре-» («презреть»); «пред-» («преднамеренный»).
- 2) Суффиксы: «-стви(е)» («бедствие», «сочувствие»); «-ч(ий)» («ловчий»); «-знь» («казнь», «жизнь»); «-тв(а)» («битва»); «-ущ», «-ащ», «-ющ», «-ящ» («сведущий», «тающий», «лежащий», «говорящий»).
- 3) Характерные для старославянского языка первые части сложных слов: «благо-», «бого-», «добро-», «зло-» и т. д. («благодать», «богобоязненный»)

[15, с. 38-39; 16, с. 170].

В исконную лексику русского языка в разные исторические периоды его развития вошло немало слов из родственных славянских языков. Одними из самых ранних, сыгравших значительную роль в последующем становлении и развитии русского литературного языка были заимствования из старославянского языка, т.е. старославянизмы. Старославянизмы вошли в русскую речь через язык переводов с греческого языка богослужебных и канонических книг. Древнейший литературный язык, старославянский, использовался на Руси с X века, после принятия христианства.

Старославянизмы имеют звуковые (фонетические), морфологические и семантические признаки.

В учебнике современного русского языка под редакцией П. А. Леканта перечислены следующие фонетические признаки старославянизмов:

- 1) Неполногласные сочетания «ра», «ла», «ре», «ле» между согласными в одной морфеме вместо русских «оро», «оло», «ере», «еле» (например, «брань» - «оборона», «власы» - «волосы»).
- 2) Сочетания «ра», «ла» в начале слова вместо русских «ро», «ло» (например, «расти» - «рост», «ладья» - «лодка»).
- 3) Сочетание «жд» на месте русского «ж» (например, «надежда» - «надежный», «нужда» - «нудить»).
- 4) Звук «щ» на месте русского «ч» (например, «мощь» - «мочь»).
- 5) Начальное «е» на месте русского «о» (например, «один» - «един», «елей» (в значении «оливковое масло») - «олива»).
- 6) Начальное «ю» на месте русского «у» (например, «юродивый» - «урод»).
- 7) Начальное «а» на месте русского «я» (например, «агнец» - «ягненок») [15, с. 38].

Среди семантических признаков старославянизмов в учебнике современного русского языка под редакцией П. А. Леканта указаны:

- 1) Принадлежность слова к религиозному культу, предметам церковного обихода (например, «апостол», «евангелие»).
- 2) Слова отвлеченной лексики (например, «беззаконие», «благодетель») [15, с. 39].

В разные исторические периоды в русский язык вошли заимствованные слова из родственных славянских языков. Это поздние (относящиеся к VI-XVIII векам) и позднейшие (пришедшие в русский язык в XIX-XX веках) проникновения. В составе польских заимствований (полонизмов), датированных XVII-XVIII веками, присутствуют именованья одежды (например, «кофта»), названия пищевых продуктов («булка», «фрукт», «миндаль», «повидло»), воинские звания («полковник») и др. Некоторые полонизмы пришли в русский язык через посредство украинского или белорусского языков (например, «маевка», «молчком», «пан» и т. д.). Из украинского языка пришли слова «борщ», «брынза» (переоформленное румынское), «бублик», «гопак», «детвора» и т. д. Все родственные славянские заимствования были близки русскому языку, его системе, быстро ассимилировались и лишь этимологически могут быть названы заимствованиями.

Выводы по первой главе

Изучив теоретический материал по теме, мы пришли к следующим выводам:

Во-первых, лексика русского языка с точки зрения ее происхождения разделена на исконно-русскую и заимствованную.

Во-вторых, заимствованная лексика — это слова, заимствованные русским языком из славянских и неславянских языков. Среди заимствованных русским языком слов особенно значителен пласт старославянизмов.

В-третьих, старославянизмы — это слова, заимствованные из близкородственного старославянского языка.

В-четвертых, старославянизмы имеют ряд внешних признаков: фонетические и словообразовательные.

ГЛАВА 2. СЛАВЯНИЗМЫ В ЛИРИКЕ А.С. ПУШКИНА

2.1. Лексика русского литературного языка в творчестве А.С. Пушкина

В языке Пушкина вся предшествующая культура русского художественного слова не только достигла своего высшего расцвета, но и нашла решительное преобразование.

Язык Пушкина, отразив прямо или косвенно всю историю русского литературного языка, начиная с XVII в. до конца 30-х годов XIX в., вместе с тем определил во многих направлениях пути последующего развития русской литературной речи и продолжает служить живым источником и непревзойденным образцом художественного слова для современного читателя.

В 20—30-е годы XIX в. продолжается дальнейшее обогащение лексического состава русского литературного языка. Завершается утверждение в литературном языке слов, в той или иной мере известных предшествующему периоду. Вместе с тем быстро ассимилируются в литературном языке слова, которые лишь в начале XIX в. начали входить в литературный оборот [17, 74].

До Пушкина проблема литературного языка была проблемой отбора лексики. Именно так ставился этот вопрос сторонниками так называемых старого и нового слога - шишковистами и карамзинистами. Слог представлял собой стилистический тип речи, характеризовавшийся особым отбором и сочетанием различных пластов лексики в разных жанрах. Интересно отметить, что обе противоборствующие стороны исходили из одного тезиса - необходимости развития исконных начал русской лексики и их использования в русской речи. Но А.С. Шишков и его последователи считали, что исконно русские начала заложены в архаичной (в том числе и старославянской) лексике. Заимствованные слова предлагалось заменять

архаичными. В противоположность этому Н.М. Карамзин и его школа считали, что исконно русские начала заложены в общепринятой нейтральной лексике, и эти начала следует развивать в направлении сближения с лексикой западноевропейских языков. То народно, что сближает русский язык с другими языками. Карамзинисты отвергали просторечия и считали необходимым сохранить общепринятую, утвердившуюся в русском языке заимствованную лексику. Ими широко применялось калькирование.

Стало общепринятым мнение, что в творчестве А.С. Пушкина эти две стихии - книжно-архаичная и салонная речь слились воедино. Это действительно так. Но есть в языке великого поэта и третья стихия - народная речь, которая впервые дала о себе знать в его поэме "Руслан и Людмила". Именно начиная с Пушкина тенденция к демократизации русского литературного языка приобретает всеобщий и устойчивый характер. Зарождение этой тенденции прослеживается в творчестве Г.Р. Державина, Д.И. Фонвизина, А.С. Грибоедова и особенно И.А. Крылова, но общелитературный характер она приобретает в творчестве А.С. Пушкина. Особое качество пушкинской демократизации литературной речи проявилось в том, что поэт считал возможным включать в литературную речь только те элементы народной речи, которые прошли обработку фольклором. Не случайны призывы Пушкина к молодым писателям читать простонародные сказки. "Изучение старинных песен, сказок и т.п., - писал поэт, - необходимо для совершенного знания свойств русского языка. В дальнейшем, начиная с Н.В. Гоголя, в литературную речь стали проникать диалектные и просторечные слова непосредственно из устной речи, минуя их фольклорную обработку.

Для Пушкина не существует проблемы литературной и нелитературной лексики. Любая лексика - архаичная и заимствованная, диалектная, жаргонная, просторечная и даже бранная (нецензурная) - выступает в качестве литературной, если ее употребление в речи подчиняется принципу "соразмерности" и "сообразности", то есть соответствует общим свойствам

грамотности, типу коммуникации, жанру, народности, реалистичности изображения, мотивации, содержанию и индивидуализации образов, прежде всего, соответствию внутреннего и внешнего мира литературного героя. Таким образом, для Пушкина не существует литературной и нелитературной лексики, но существует литературная и нелитературная речь. Литературной можно назвать речь, удовлетворяющую требованию соразмерности и сообразности: нелитературной является речь, не удовлетворяющая этому требованию. Если даже сейчас такая постановка вопроса способна смутить правоверного авгура науки, то тем более это было необычно для того времени с его ревнителями и любителями "истинно русской словесности". Тем не менее, наиболее проникательные современники и гражданские потомки Пушкина приняли новый взгляд поэта на литературность русского слова. Так, С.П. Шевырев писал: "Пушкин не пренебрегал ни единым словом русским и умел часто, взявши самое простонародное слово из уст черни, оправлять его так в стихе своем, что оно теряло свою грубость".

В XVIII веке в России было много поэтов, которые осмеливались сталкивать в своих творениях пласты разнородной лексики. Наиболее ярко тенденция к разностилевому оформлению проявилась в творчестве Г.Р. Державина. Однако, как отмечали многие критики (в том числе и В.Г. Белинский), соединение разнородного у этого патриарха русской литературы, поэтического кумира конца XVIII - начала XIX века, производило впечатление чего-то несуразного и подчас даже сумбурного. И это при той высокой поэтической технике, которой достиг Г.Р. Державин. Чтобы подняться до пушкинской соразмерности и сообразности, не хватало здесь одного - особого осмысления художественной реальности, которое впоследствии получило название реализма.

Стандартное определение реализма как изображения типичной действительности в типичных образах самой действительности едва ли способно объяснить специфику пушкинского художественного освоения жизни. Оно с одинаковым успехом может быть отнесено и к Г.Р. Державину,

и к Н.М. Карамзину, и к В.А. Жуковскому. Но художественный метод А.С. Пушкина отличается многомерностью и динамичностью изображения при краткости и точности описания. "Точность и краткость, - писал А.С. Пушкин, - вот первые достоинства прозы. Она требует мыслей и мыслей - без них блестящие выражения ни к чему не служат"

До Пушкина русская литература страдала многословием при бедности мысли, у Пушкина мы видим краткость при богатом содержании. Краткость сама по себе еще не создает богатого художественного мышления. Необходимо было такое своеобразное построение минимизированной речи, чтобы она вызывала богатую художественную пресуппозицию (подразумеваемое содержание; воображение, называемое подтекстом). Особый художественный эффект достигался А.С. Пушкиным за счет взаимосвязи новых приемов эстетического мышления, особой компоновки литературных структур и своеобразных приемов использования языка.

Анализируя различие романтического и реалистического восприятия мира писателем, Ю.М. Лотман пришел к выводу, что романтический герой является носителем одной "маски" - образа "странного человека", которую он носит на протяжении всего повествования. Реалистический герой постоянно меняет свои литературные маски - свое мирозерцание, манеры, поведение, привычки

Мало того, Пушкин рассматривает своих героев с разных сторон, с позиций разных участников художественно-коммуникативного процесса, хотя они сами продолжают носить старую, напыленную на себя маску. Литературный герой как бы не замечает, что автор или его художественное окружение уже давно надели на него другую маску и продолжает думать, что на нем старая маска, примеренная им для самого себя. Так, поведение Евгения Онегина на именинах Татьяны изображается в образах: индюка ("надулся он и негодуя поклялся Ленского взбесить"), кота ("Онегин скукой вновь гоним, близ Ольги в думу погрузился..., за ним и Оленька зевала...") и петуха (образ полупетуха и полукота в сне Татьяны). Реалистический герой

динамичен в отличие от статичного романтического героя. Вторая особенность пушкинского художественного мышления - это соотнесение в описание внешнего поведения и внутреннего мира героя, его сознания и подсознания (не случайно в творчестве А.С. Пушкина значительную роль играют сновидения). А.С. Пушкин внимательно прослеживает отношение изображаемых героев к народной культуре, истории, месту и времени описания. Особое место в эстетическом мировосприятии А.С. Пушкина занимает отношение к таким общечеловеческим установкам, как достоинство, честь и справедливость. Все это создавало особую художественную и мировоззренческую мотивацию, которой А.С. Пушкин следовал в творчестве и в жизни и которую он завещал русской литературе.

А.С. Пушкин был создателем реалистического художественного метода в русской литературе. Следствием применения этого метода стала индивидуализация художественных типов и структур в творчестве его самого. "Основным принципом творчества Пушкина с конца 20-х годов становится принцип соответствия речевого стиля изображаемому миру исторической действительности, изображаемой среде, изображаемому характеру". Поэт учитывал своеобразие жанра, типа коммуникации (поэзия, проза, монолог, диалог), содержания, описываемой ситуации. Конечным итогом становилась индивидуализация образа. В свое время Ф.Е. Корш писал: "Простой народ представлялся Пушкину не безразличной массой, а старый гусар думает и говорит у него иначе, нежели выдающий себя за монаха бродяга Варлаам, монах не так, как мужик, мужик отличается от казака, казак от дворового, например, Савельича; мало того: трезвый мужик не похож на пьяного (в шутке: "Сват Иван, как пить мы станем"). В самой "Русалке" мельник и его дочь по воззрениям и даже по языку - разные люди".

Своеобразие эстетического восприятия и художественная индивидуализация выражались разнообразными приемами языкового обозначения. Среди них ведущее место занимал контраст стилей, который у Пушкина не производил впечатления неуместности, поскольку

оппозиционные элементы связывались с разными аспектами содержания. Например: "На миг умолкли разговоры, Уста жуют". уста - высокий стиль. жуют - низкий. Уста - рты знати, представителей высшего общества. Это внешняя, социальная характеристика. Жевать, значит есть. Но относится это в прямом смысле не к людям, а к лошадям. Это внутренняя, психологическая характеристика действующих лиц. Другой пример: "... и крестясь, Толпа жужжит, за стол сядясь". Крестятся люди (внешняя характеристика). Жужжат жуки (внутренняя характеристика этих людей).

Следующий языковой прием - окказиональная смысловая полисемия:

"Они сошлись: вода и камень,
Стихи и проза, лед и пламень
Не столь различны меж собой"

Вода и камень, стихи и проза, лед и пламень - в данном контексте эти слова выступают окказиональными антонимами.

"Но вскоре гости понемногу
Подъемлют общую тревогу.
Никто не слушает, кричат,
Смеются, спорят и пищат".

Пищат птенцы. На этом фоне выражение "подъемлют общую тревогу" (высокий стиль) сравнивает поведение знатных гостей с внезапным шумом птиц. Здесь выражение высокого стиля служит окказиональным, косвенным синонимом низкостилевого слова - загалдели.

Своеобразие художественной литературы в отличие от письменных памятников других жанров заключается в том, что она излагает свое содержание в нескольких смыслах. Реалистическая литература формирует разные смыслы вполне сознательно, создавая контрасты между денотативным предметным и символическим содержанием художественного произведения. Пушкин создал весь основной символический художественный фонд современной русской литературы. Именно начиная с Пушкина гроза стала символом свободы, море - символом вольной, влекущей

стихии, звезда - символом заветной путеводной нити, жизненной цели человека. В стихотворении "Зимнее утро" символом выступает слово берег. Оно означает "последнее пристанище человека". Достижением Пушкина является использование смысловой и звуковой корреляции для создания дополнительного содержания. Сходному содержанию у него соответствует однообразное звуковое оформление, различию содержания у Пушкина соответствуют звуковые контрасты (рифмы, ритмика, звуковые сочетания). Звуковое сходство выражений "друг прелестный" - "друг милый" - "берег милый для меня" создает дополнительный символический смысл стихотворения "Зимнее утро", превращая его из денотативного описания красот русской зимы в любовное признание. Перечисленные здесь приемы языкового оформления - всего лишь отдельные примеры. Они не исчерпывают всего многообразия стилистических приемов, используемых Пушкиным, которые создают смысловую многозначительность и языковую многозначность его творений.

В пушкинское время продолжала оставаться актуальной одна из основных проблем становления национального литературного языка — определение в нем места и роли лексики разных генетико-стилистических пластов. Большое значение в решении этой проблемы имело творчество наиболее известных писателей эпохи. В 20— 30-е годы язык художественной литературы был основной сферой, в которой определялись и создавались нормы русского литературного языка. Однако, как и в предшествующий период, объем, или «репертуар», слов, включаемых в литературный оборот, сильно варьировался в зависимости от социальной принадлежности того или иного автора, его взглядов на литературный язык, индивидуальных пристрастий.

Исключительно важная роль в определении границ использования генетически различной лексики в литературном языке принадлежала Пушкину. В его художественной практике сформировались в основном объем и состав пришедшей из разных источников лексики и принципы ее

употребления, которые, благодаря значительности самого творчества поэта и его авторитета среди современников и последователей, были восприняты последующими поколениями как нормативные.

Суть языковой реформы Пушкина заключалась в преодолении разобщенности лексических элементов разных генетико-стилистических пластов, в свободном и органическом их соединении. Писатель «изменил традиционное отношение (разрядка авт.) к словам и формам». Пушкин не признавал ломоносовской системы трех стилей, на которую опирались в своей концепции шишковисты, и в этом он смыкался с карамзинистами, стремившимися к установлению единой нормы литературного языка. Но он признавал живым и актуальным для своего времени ломоносовский принцип «конструктивного объединения разнородных словесных рядов». Придерживаясь взглядов карамзинистов на единую общелитературную норму, Пушкин, однако, был намного свободнее и шире в своем понимании границ и объема лексического материала, включаемого в состав литературного языка. Он выдвинул иные принципы и критерии отбора и использования слов разных генетических слоев. Прямой полемикой с карамзинистами было утверждение Пушкина о том, что он не пожертвует «искреиностню и точностию выражения провинциальной чопорности и боязни казаться простонародным, славянофилом и тому под.» Он внес свои коррективы и в понятие «вкуса», которым так широко оперировали карамзинисты: «истинный вкус состоит не в безотчетном отвержении такого-то слова, такого-то оборота, но в чувстве соразмерности и сообразности» [16,161-173].

Пушкин признает за лексикой каждого генетико-стилистического пласта право быть одной из составных частей русского литературного языка. Видя в разговорной лексике один из живых источников обогащения литературного языка, писатель рассматривал славянизмы, составлявшие значительную часть книжных слов, как необходимый элемент литературной речи. Письменный язык, писал он, «оживляется поминутно выражениями,

рождающимися в разговоре, но не должен отречься от приобретенного им в течение веков: писать единственно языком разговорным — значит не знать языка». На основе объединения народных русских и книжно-славянских лексических элементов он стремится создать «язык общепонятный». Пушкин приходит и к «глубоко индивидуальному разрешению проблемы синтеза русской национальной и западноевропейской стихии в литературном языке».

Продолжается пополнение литературного языка новообразованиями, созданными на русской почве. Среди них доминируют слова отвлеченного значения. Особая потребность в таких словах была вызвана развитием науки и производства, формированием философских и эстетических учений, а также тем, что начинает складываться критико-публицистическая проза, требовавшая усовершенствования книжно-отвлеченного языка. Параллельно шел процесс образования новых конкретных слов, в частности, обозначений лица. Несколько повышается продуктивность новообразований с разговорными суффиксами (например, -ка в кругу существительных, -ничать — в кругу глаголов). Преодолевается разобщенность слов разных генетико-стилистических слоев, и свободно функционируют на правах вполне «нормативных» слова, в которых соединяются морфемы разного происхождения.

Наряду с обогащением новообразованиями русский литературный язык продолжал осваивать новые лексемы. Заимствование иноязычной лексики несколько упорядочивается, приобретает более очерченные границы. Русский литературный язык стал вбирать из других языков главным образом слова, проникающие к нам вместе с заимствованием реалии, предмета. Однако в связи с тенденцией к развитию языка политики, науки, философии заимствуются и слова, обозначающие отвлеченные понятия, в частности, названия различных направлений, систем, мировоззрений и т. п.

Заимствование таких слов, а также появление русских новообразований отвлеченного значения свидетельствует о том, что магистральной линией в

развитии лексического состава русского литературного языка было обогащение его отвлеченными словами.

Вместе с тем период формирования национальных норм русского литературного языка характеризуется активизацией в разных сферах литературного употребления элементов живой общенародной речи. Среди них преобладают конкретные слова [23, 89-93].

В первые десятилетия XIX в. нарастает приток в литературный язык разговорных, «простых» слов. Именно в этот период окончательно входят в литературный язык многие из тех слов живой разговорной речи, которые стали проникать в литературу в XVIII в. Сохраняется, но несколько ослабевает по сравнению с предшествующим периодом, пополнение за счет разговорных слов, не обладающих экспрессией, которые укрепляются в литературном языке в качестве обычных номинативных единиц. В связи с потребностью языка в обновлении выразительных средств легко получают место в литературном языке экспрессивно окрашенные разговорные слова, которые входят в язык не нейтрализуясь, а сохраняя свои экспрессивные качества. Показательно, что наблюдается некоторое обновление состава экспрессивно-оценочных слов, входящих в литературное употребление. «Живые источники народного языка, к которым обращались Пушкин и последующие поколения русских писателей, нередко были нетронутыми еще в XVIII в.». Наиболее легко усваивались литературным языком разговорные, «простые» слова, не имеющие соответствующих однословных эквивалентов. Эти слова, продолжая употребляться в тех жанрах и контекстах, в которых это допускалось предшествующей литературной традицией, проникали в нейтральную авторскую речь в таких жанрах, «как поэма, роман, повесть, лирическая и «высокая» поэзия, научная и историческая проза, публицистика. Широкое включение их в литературный оборот показывает, что складывались новые нормы словоупотребления.

В значительно меньшей мере вливались в лексический фонд литературного языка диалектные (номинативные и экспрессивно

окрашенные), а также профессиональные и жаргонные элементы. Словоупотребление писателей этой эпохи (и прежде всего Пушкина) способствует завершению процесса литературной канонизации ряда тех диалектных слов, которые проникли в русскую литературу в предшествующие эпохи. Можно думать, что выход их за пределы узкоместной среды содействовал включению их в речевой узус образованных лиц [7,71].

Одним из основных направлений в развитии русского литературного языка становится широко развернувшийся процесс демократизации. Важнейшим результатом этого процесса было становление разговорной разновидности литературного языка.

В составе литературной лексики продолжают сосуществовать вариантные формы. Однако существенной чертой литературного языка пушкинского периода становится стремление устранить тождественные, дублетные обозначения. 20—30-е годы — эпоха, «покончившая с этой множественностью наименований». Это связано с заметным укреплением ранее наметившейся тенденции к семантическому и стилистическому размежеванию вариантных средств.

Наряду с обогащением словарного фонда новыми словами происходит противоположный процесс — освобождение литературного языка от книжно-славянской архаики и от «низких» лексических единиц.

Активное осуществление названных процессов позволяет первой трети XIX в. войти в историю русского литературного языка как эпохе упорядочения языковых средств.

В 20—30-е годы XIX в. продолжается семантическое обогащение словарного состава русского литературного языка. Преобладающая часть изменений в семантике связана с переносно-метафорическим и образным применением слов разных генетико-стилистических пластов. Главную особенность этих преобразований составляет расширение семантического объема слов, ранее имевших очень узкое, конкретное значение. Довольно

широкий круг конкретно-предметной, «простой» лексики включается в необычные для нее семантические сферы, что позволяет ей, по словам С. Сорокина, подняться в «верхние этажи» литературного языка (см. замарать, опростоволоситься). С другой стороны, некоторые слова, развившие переносные значения, переходят из книжной речи в разговорную, получая эмоциональную окраску (см. разглагольствовать, разоблачаться) [4, 18-19].

Заметное влияние на развитие русского литературного языка в этот период оказывали писатели, особенно — Пушкин. Историческая заслуга Пушкина состоит в том, что своим творчеством он способствовал увеличению объема словарного фонда литературного языка, расширению его границ, прежде всего, за счет народно-разговорной лексики.

Пушкин признает за каждым пластом право быть одной из составных частей литературного языка. Однако в привлечении генетически различной лексики действовал обдуманно и осторожно. Так, он не злоупотребляет иноязычными заимствованиями, умеренно внедряет в литературу народно-разговорные элементы, корректируя их употребление «стилистическими оценками культурного и воспитанного человека из „хорошего общества“».

В творчестве Пушкина углубляется тенденция к органическому слиянию, совмещению в контексте разнотильных элементов. Пушкин «утверждает многообразие стилей в пределах единой общенациональной нормы литературного выражения». Становление ее, как отмечает А.И. Горшков, связано, прежде всего, с новой организацией литературного текста, проходившей по многим линиям, из которых наиболее важны:

- 1) утверждение словоупотребления, основанного на принципе максимально точного обозначения явлений действительности, отказ от формальных словесных ухищрений, риторических перифраз, беспредметных метафор и т. п., «синтаксическое сгущение речи»,

- 2) свободное объединение языковых единиц, ранее разобщенных по разным стилям и сферам употребления».

Свободное взаимодействие разнородных речевых стихий могло осуществиться благодаря тому, что на протяжении XVIII в. активно протекали процессы взаимосвязей и взаимовлияний между русской лексикой, славянизмами и заимствованиями [6,63].

Пушкин разрешает одну из основных проблем эпохи — проблему соотношения книжного и разговорного в литературном языке. Стремясь подобно Н. Карамзину к созданию единой общелитературной нормы, Пушкин, в отличие от своего предшественника, «решительно восстает против полного слияния книжного и разговорного языка в одну нейтральную систему выражения».

Писатель утверждает в литературном языке (главным образом в его книжной разновидности) тот слой книжно-славянских слов, который уже был ассимилирован в предшествующий период. Одновременно он определяет судьбу заметной части славянизмов, продолжавших вызывать споры и в пушкинский период: писатель употребляет их лишь в определенных стилистических целях. Ограничение сфер применения многих славянизмов художественными (преимущественно поэтическими) текстами говорит о выходе их из активного фонда литературного языка — при одновременном утверждении, сохранении за соответствующими им словами русского происхождения позиций общелитературного слова.

Сказанное свидетельствует о том, что в пушкинскую эпоху происходит перераспределение лексического состава языка. И лексика А.С. Пушкина выделялась своей оригинальностью и своеобразием.

2.2. Использование славянизмов А.С. Пушкиным

В сочинениях Пушкина за старославянизмами, не ушедшими из литературного языка, не перешедшими в разряд нейтральных или общеупотребительных книжных слов, окончательно закрепляются стилистические функции, сохранившиеся за ними в языке художественной литературы до сих пор: создание исторического колорита, поэтических текстов, патетического слога, воссоздание библейского, античного, восточного колорита, пародирование, создание комического эффекта, употребление в целях характерологии.

Старославянизмы на протяжении всей творческой деятельности Пушкина являются неотъемлемой частью лирики поэта. Если в раннем творчестве Пушкина для создания поэтического образа славянизмы привлекались чаще других слов, то в зрелых произведениях, как и современной поэзии, художественный образ мог создаваться за счет особых поэтических слов, русских и старославянских по происхождению, и за счет нейтральной, общеупотребительной лексики. В обоих случаях мы имеем дело с пушкинскими стихами, не имеющими себе равных в русской поэзии. Большой удельный вес имеют старославянизмы в стихотворении «Погасло дневное светило...», «Черная шаль», «Гречанка», «К морю», «Ненастный день потух...», «Под небом голубым...», «Талисман».

В лирических произведениях «Ночь», «Все кончено», «Сожженное письмо», «К А.П. Керн», «Признание», «На холмах Грузии», «Что в имени тебе моем?...», «Я вас любил...» поэтический образ создается за счет общеупотребительной русской лексики, что не только не лишает произведения силы эмоционального воздействия на читателя, но заставляет читателя забывать о том. Что передним художественное произведение, а не действительное, искреннее лирическое излияние человека. Подобных поэтических сочинений русская литература не знала до Пушкина (12. с.306-309).

Старославянизмы очень активно используются в творчестве писателей. Материалом для практической части курсовой работы стала поэзия А.С. Пушкина. Нами было проанализировано 8 произведений: «Воспоминание», «Из Афеня», «Из Анакреона», «Пророк», «Десятая заповедь», «В крови горит огонь желанья...», «Поэт» и «Кинжал».

В результате анализа произведений нами было выявлено 32 фонетических признака старославянизма. Из выявленных 32 фонетических признаков было выделено 5 групп.

Гласный е под ударением перед твердым согласным на месте русского ё:

Неба

В данном слове гласный е под ударением перед твердым согласным б находится на месте русского ё: небо - нёбо.

Начальные сочетания ра-, ла- перед согласными:

Раб

Рабыня.

Данные слова имеют один корень. Начальному старославянскому сочетанию ра- перед согласным б в русском языке соответствует ро-: робить.

Неполногласие:

а) сочетание -ра- между согласными на месте полногласного русского – оро- в составе одной морфемы:

(Стогны) Града .

Награда

Слова град и награда имеют один корень. Неполногласному корню старославянского происхождения град соответствует полногласный русский корень город.

Бранила .

Неполногласному сочетанию -ра- между согласными б и н соответствует полногласное русское -оро-: бранить – обороняться.

Страж .

Неполногласному сочетанию -ра- между согласными т и ж соответствует полногласное русское -оро-: страж –сторож.

Праздничных .

Неполногласному сочетанию -ра- между согласными п и з соответствует полногласное русское -оро-: праздничный - порожний (чередование з/ж), т.е. свободный от работы.

Отвращением .

Неполногласному сочетанию -ра- между согласными в и щ соответствует полногласное русское -оро-: отвратить – отворотить.

(Во) храме .

Неполногласному сочетанию -ра- между согласными х и м соответствует полногласное русское -оро-: храм – хоромы.

Мрачный .

Неполногласному сочетанию -ра- между согласными м и ч соответствует полногласное русское -оро-: мрак - обморок, морочить.

(В) прахе .

Неполногласному сочетанию -ра- между согласными п и х соответствует полногласное русское -оро-: прах – порох.

б) сочетание -ла- между согласными на месте полногласного русского – оло- в составе одной морфемы:

Влачатся .

Неполногласному сочетанию -ла- между согласными в и ч соответствует полногласное русское -оло-: влачатся – волочь.

Главы .

Главой .

Безглавой .

Данные слова имеют один корень глав. Неполногласному сочетанию -ла- между согласными г и в соответствует полногласное русское -оло-: глава – голова.

Сладкой .

Наслаждений .

Данные слова имеют один корень слад (чередование д/жд).

Неполногласному сочетанию -ла- между согласными с и д соответствует полногласное русское -оло-: сладкий – солод.

Хладный .

Неполногласному сочетанию -ла- между согласными х и д соответствует полногласное русское -оло-: хладный – холодный.

Глас .

Неполногласному сочетанию -ла- между согласными г и с соответствует полногласное русское -оло-: глас – голос.

в) сочетание -ре- между согласными месте полногласного русского – ере- в составе одной морфемы:

Время .

Неполногласному сочетанию -ре- между согласными в и м соответствует полногласное русское -ере-: время – веремья.

Требует.

Неполногласному сочетанию -ре- между согласными т и б соответствует полногласное русское -ере-: требовать – теребить.

Среди .

Неполногласному сочетанию -ре- между согласными с и д соответствует полногласное русское -ере-: среди – посередине.

Согласный щ на месте русского ч, восходящий к одному и тому же общеславянскому созвучию [tj]:

Трепещу .

Трепещет .

Данные слова образованы от одного глагола - трепетать. Чередование т/щ (старослав.) указывает на принадлежность слова к старославянскому языку: трепетать – трепещет.

Слаще .

В слове *слаще* чередование *т/щ* (старослав.) указывает на принадлежность слова к старославянскому языку: *подсластить* – *слаще*.

Священной .

В слове *священный* чередование *т/щ* (старослав.) указывает на принадлежность слова к старославянскому языку: *святой-священный*.

Отвращением .

В слове *отвращение* чередование *т/щ* (старослав.) указывает на принадлежность слова к старославянскому языку: *отвратить* – *отвращение*.

Сочетание *жд* на месте русского *ж*, восходящее к единому общеславянскому созвучию [dj]:

Наслаждений .

В данном слове корневое *д* чередовалось в старославянском с *жд*: *насладиться* – *наслаждаться*.

Чуждается .

В данном слове корневое *д* чередовалось в старославянском с *жд*: *чужбина* – *отчуждение*.

Надежда.

В данном слове сочетание *жд* находится на месте русского *ж*: *надежда* - *надежа*.

Одежд .

В данном слове сочетание *жд* находится на месте русского *ж*: *одежда* - *одежа*.

Таким образом, фонетические признаки старославянизмов действительно присутствуют в поэзии А.С.Пушкина и активно им используются. Пушкин использует славянизмы, поскольку именно славянизмы выступают как стилистически маркированные элементы – становятся знаками той или иной культурно-идеологической позиции, которая определяет перспективу повествования.

В результате анализа произведений, нами было выявлено 20 словообразовательных признаков старославянизма. Из выявленных 20 словообразовательных признаков было выделено 3 группы.

а) Приставки пре-, пред-, воз-(вос-), со-:

Преклонен – приставка пре-.

Прелестна – приставка пре-.

Презренный – приставка пре-.

Преступной – приставка пре-.

Предо – приставка пред-.

Возлиянья – приставка воз-.

Возник – приставка воз-.

б) Приставка ис-(из-), соответствующая приставке вы-:

Исхода .

Данное слово имеет старославянскую приставку ис-, соответствующую русской приставке вы-: исход – выход.

Избранник .

Данное слово имеет старославянскую приставку ис-, соответствующую русской приставке вы-: избранник– выбранный.

Суффикс -знь, -ствие, -ние, -ие:

Жизнь .

Данное слово имеет суффикс –знь.

Бездействии .

Слово бездействие имеет суффикс – ствие.

Воспоминание .

Данное слово имеет суффикс – ние.

Отвращением .

Данное слово имеет суффикс – ние.

Лезвие .

Данное слово имеет старославянский суффикс –ие.

Сложные основы с типичными для старославянизмов элементами, начинающихся с благо-, бого-, сует-:

Благодатному – сложная основа, начинающаяся с благо.

Благостыня – сложная основа, начинающаяся с благо.

Суетного – сложная основа, начинающаяся с сует-.

Таким образом, старославянизмом можно считать также отдельный старославянский элемент в составе какого-то слова, если даже это слово в целом не старославянского происхождения. Многие старославянские корни, приставки, суффиксы живут в нашем языке как бы отдельно от слов, из которых они взяты, и служат базой для создания новых слов.

Выводы по второй главе

Проанализировав лирические произведения А.С. Пушкина, мы пришли к следующим выводам:

Во-первых, в лирике А.С. Пушкина активно используются старославянизмы.

Во-вторых, фонетические признаки были выявлены в 32 случаях и составили 5 групп.

В-третьих, словообразовательные признаки были выявлены в 20 случаях и составили 3 группы.

В-четвертых, на примере этих произведений мы выясняли, что самыми распространенными признаками старославянизмов являются фонетические, на втором месте находятся словообразовательные или морфо-фонетические признаки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лексика с точки зрения ее происхождения делится на два больших класса: исконные, изначально присущие русскому языку, и иноязычные, т.е. заимствованные русским языком из других языков. Среди заимствованных русским языком слов особенно значителен пласт славянизмов. Славянизмы – это слова, заимствованные из старославянского языка. Они имеют ряд внешних признаков: фонетические и словообразовательные.

В составе современного русского языка старославянизмы используются довольно часто. Многие старославянские корни, приставки, суффиксы живут в нашем языке как бы отдельно от слов, из которых они взяты. Для того чтобы понять, какое старославянизмы оказали влияние на лексику и словообразование русского языка, мы обращались к истории, а именно к творчеству А.С. Пушкина.

В выпускной квалификационной работе нами было проанализировано 8 произведений.

В результате анализа произведений, мы выясняли, что самыми распространенными признаками старославянизмов в поэзии А.С. Пушкина являются фонетические, на втором месте находятся словообразовательные или морфо-фонетические признаки.

Выбор церковнославянского или русского выражения основывается у Пушкина не на принципиально принципах ровности стиля в пределах текста и стремления к стилистической последовательности, как у предшественников. Пушкин отвергает требование единства стиля а, напротив, идет по пути сочетания стилистически разнородных элементов, что придает его поэзии возвышенный, особо праздный стиль.

Исходя из точки зрения Г.О. Винокура о том , что славянизм имеет два значения: «одно – генетическое, другое – стилистическое», мы можем сделать вывод, что в лирике А.С. Пушкина славянизмы использовались и их выбор не мотивирован у Пушкина ни семантически, ни стилистически.

Пушкин использует славянизмы, поскольку именно они выступают как стилистически маркированные элементы – становятся знаками той или иной культурно-идеологической позиции, которая определяет перспективу повествования.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Аюпова Л.Л. Заимствования русского языка в историко-функциональном аспекте. – М., 1991.- 61с.
2. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке: Учебное пособие. – М., 2005.
3. Барлас Л.Г. Русский язык. Введение в науку о языке. Лексикология. Этимология. Фразеология. Лексикография: Учебник/ Под ред. Г.Г. Инфантовой. – М., 2003
4. Большой словарь иностранных слов. – М., 2003
5. Боброва Т.А. Об изучении заимствований в русский язык. – СПб. – М., Русская речь, 1994. – 134, 135с.
6. .Баландина Л.А. и др. Русский язык и культура речи / Баландина Л.А., Давидян Г.Р., Кураченкова Г.Ф., Симонова Е.П. – М., 2005. – С.78-80
7. .Виноградов В.В. Язык Пушкина. – М.-Л., 1995. – С. 102-103, 121-132, 142-143
8. .Виноградов В.В. Стиль Пушкина. – М., 1991. – С. 495
9. Власенков А.И. Русский язык: Грамматика. Текст. Стили речи. – М.: Просвещение, 2000.-367
- 10.Введенская Л.А., Колесников Н.П. Этимология: Учебное пособие. – СПб. – С-П., 2004
11. Виноградов В.В. Великий русский язык. – М., 1995.- 117с.
- 12 . Винокур Г.О. О славянизмах в современном русском литературном языке.
- 13 . Валгина Н.С. Активные процессы в современно русском языке. – М., 2001.
- 14 . Валгина Н.С. Современный русский язык. – М., 2001.
- 15.Винокур Г.О. О славянизмах в современном русском литературном языке // Избранные работы по русскому языку. – М., 1999. – С. 443

16. Гуковский Г.А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. – М., 1997. – С. 47-48
17. Гируцкий А.А. Введение в языкознание: Учеб. Пособие. Мн. «Тетрасистемс», 2003 11. Горшков А.И. Русская стилистика. – М., 2001.
18. Горбачёва К.С. Изменение норм русского литературного языка. – М., 1991.
19. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. – М., 1997
20. Дудников А.В. и др. Русский язык: учебник для средних специальных учебных заведений. – Изд. 2-е, испр. – М.: Высш. шк., 1989. – С. 13
21. Дроняева Т.С. Стилистика русского языка и культура речи. – М., 2002.
22. Жихарев С.П. Записки современника. – М.-Л., 1995. – С. 359-360
23. Зелинский В. Русская критическая литература о произведениях А.С. Пушкина; В 3 ч. – М., 1990. – I-III ч.
24. Ильинская И.С. Лексика стихотворной речи Пушкина. – М., 1991. – С. 181-182, 184-186
25. Истрин В.А. 1100 лет славянской азбуки. – М., 1993. – С. 14
26. Калинин А.В. Лексика русского языка. – Изд. 3-е. – М., 1998. – С.86-93
27. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. – М., 1994.
28. Кузнецов С.А. Современный толковый словарь русского языка. – М., 2004
29. Ковалевская Е.Г. История русского литературного языка: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.». – М., 1998. – С.306-309
30. Кривчик В.Ф., Можейко Н.С. Старославянский язык. – Изд. 2-е, доп. – Минск, 1994. – С. 8,10
31. Лавров П.А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. – Л., 1990
32. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. – Л., 1990. – С. 187,189
33. Лекант П.А. Современный русский литературный язык. – М., 1982.-399 с.

34. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990
35. Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие. – М., 2004
36. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М., 2001
37. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. Четвёртое издание под редакцией Шведовой Н.Ю. – М., 1992.-816с.
38. Ожегов С.И, Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – Изд. 4-е, доп. – М., 1997. – 944 с.
39. Пумпянский Л.В. Пушкин // Временник Пушкинской комиссии. – М.-Л., – 1989.
40. Попов Р.Н. Современный русский язык. – М., 1998.-463 с.
41. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.; XVI т. – М.,1999. – Т. I – XVI
42. Панов М.В. Энциклопедический словарь юного филолога (языкознание). – М., 1994
43. Реформатский А.А. Введение в языковедение: Учебник для вузов/ Под ред. В.А. Виноградова. – М., 2002
44. Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов. – М., 2001
45. Руднев В.П. Словарь культуры XX века. – М., 1998
46. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика. – М., 2001.
47. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык: Учеб. пособие. – М., 1997. – С.62-63
48. Тимофеев Л.И., Тураев С.В. Краткий словарь литературоведческих терминов. – М.: Просвещение, 1998.-223с.
49. Тихонов А.Н. Школьный словообразовательный словарь русского языка. – М., 2005
50. Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI – XIX вв.). – М., 1994. – С. 173-183

51. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т./ Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М., 1996
52. Фрумкина Р.М. Психоллингвистика: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений. – М., 2001
53. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. Пособие для учителей. – М., 1995